

А.Г. Ипполитова

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

Война – феномен, который представляет собой стабильную форму культуры, один из основных способов социального взаимодействия. Так, до 95 % всех известных обществ разрешали с помощью войны внутренние и внешние противоречия¹. Поэтому в культуре разных народов формируется особое понимание войны и военная культура, представляющая собой сложный культурный комплекс духовных, материальных и социальных достижений, с помощью которых воюет человечество.

Мы создаем образы идеальной войны, героизируем и романтизуем ее через стереотипы об идеальном воине, в котором воплощены рыцарские качества. Не случайно именно в профессиях военного характера огромное значение придается правилам воспитания, культу чести, ритуалам, подчеркивающим духовные ценности и нормы такой субкультуры. Главным образом они строятся вокруг патриотизма и кодекса чести. Отклонение от норм и ценностей военной культуры представляется нам предательством, нарушением табу.

При этом стереотипы о героях и воинах, идея благородной войны существуют в любом обществе. Даже религия создает образы богов-воинов, покровительствующих победам и войне вообще, существуют ритуалы, призванные найти покровительство у Бога в целях защиты и победы, культы святых, помогающих воинам (например, Федор Ушаков, Александр Невский в русском православии). Характерно, что религия всегда подчеркивает праведность своих воинов, пытаясь найти в войне гуманистические мотивы и нравственные основания.

Пожалуй, необходимость военной деятельности неоспорима в условиях отечественной войны. Тогда патриотизм и желание сохранить самобытность и целостность культуры являются главными целями. Но, как правило, война всегда сопряжена с реализацией антигуманистических ценностей и страданиями человека. Поэтому мы боимся войны, воспринимая ее как кризисную форму культуры. Наряду с героизацией и идеализацией существует

страх перед деструктивной силой войны, одной из манифестаций которой становится стереотип о враге. Он – абсолютный антипод воина. Врага мы представляем как воплощение абсолютного зла, у него отсутствуют благородные качества, а задача – уничтожить оппозиционную культуру, разрушить принципы ее существования. Иными словами, есть «воин», идеал благородства и защитника, есть «враг» – его бинарный оппонент. Он агрессивен и лишен гуманистического начала.

Тем не менее, несмотря на свой антигуманистический потенциал, война, разделяющая весь окружающий мир на два лагеря, часто становилась двигателем прогрессивных идей. Войны объединяли вокруг себя огромное количество людей, которые реализовывали ценности единства, сплочения вокруг какой-либо концепции. Через разрушение чужих культур приобретали целостность своей собственной, укрепляя экономический и политический потенциал, а иногда война становилась главным способом выхода из исторического кризиса культуры (например, освободительные войны против колониальной зависимости).

Иная ситуация характерна для любой гражданской войны, которая является воплощением глобального социокультурного кризиса, выход из которого возможен только через саморазрушение и конфликт.

Гражданская война – это всегда воплощение кризиса культуры, ведь для него характерна «радикальная смена жизненных установок («парадигм развития»)². Собственно именно желание воплотить новые, всегда оппозиционные ценности актуально для любой революции. Ведь преобразование жизни государства через бунт – это точка бифуркации, возникающая тогда, когда все остальные методы трансформации культуры исчерпаны.

Но тогда возникает вопрос: почему революция, которая, как правило, выдвигает конкретные лозунги уже на этапе свержения власти и существующего порядка, не способна в дальнейшем реализовывать собственные идеи? Она неизбежно «скатывается» в плоскость гражданской войны и жесткого противостояния внутри собственного культурного тела.

Проблема в том, что революция несет в себе не новацию, а именно кризис. Это явление возникает в большом культурном организме, с одной стороны, как бунт, но с другой, отражение нерешенных проблем и задач старого мира. Такое раздвоение при-

водит к «структурному вакууму». Жизнь вокруг неуправляема³, ее невозможно предсказать, предугадать. Разрушение старых форм жизни, ее стереотипов не приводит к ясности. Наоборот, начинается война, вызванная неумением найти правильный путь, вектор развития.

И это невозможно сделать, потому что еще по замечанию А.И. Герцена, «развитие бросается во все стороны и никогда не идет правильным маршем вперед»⁴. Ведь все новаторы революции сформировались внутри старого мира, взращены его ценностями, мыслят его стандартами. В итоге, разрушив собственный мир, революция не знает пути нового развития. Начинается война всех против всех, в которой отсутствует бинарная пара «благородный воин - враг». Кто считается врагом, кто несет для общества разрушение, кто спаситель? При этом каждая из сторон назначает благородную миссию спасения окружающего мира именно себе. Это приводит к ситуации, когда мир войны становится бесполюсным.

Поскольку такая борьба развивается внутри тела единой культуры, то для подтверждения мировоззрения той или иной социальной группы на ее поверхность выходит фантазийная мифологизированная реальность, все манифестации нового мира предельно оригинальны, но нежизнеспособны. Они быстро исчерпывают свой потенциал. В конечном итоге уступают место новой культуре, выросшей из кризиса войны.

Новая реальность имеет генетическое родство с предшествующей, но является абсолютно новым феноменом культуры, строящимся на своих принципах и идеалах. Здесь война как духовная категория вновь занимает свое место, обращена вовне, появляются образы героев и врагов. Мир снова становится бинарен.

На примере революции и гражданской войны в России следует обосновать тезисы, высказанные выше. Революция и Гражданская война в России стали следствием системного кризиса, это не вызывает сомнений. Точкой накала стала изнуряющая Первая мировая война, которая нивелировала ценности патриотизма, где цели войны для обычного человека оказались абсолютно неясны и неактуальны. На этом фоне внутренний кризис усиливался как объективными, так и субъективными факторами, обнажающими распад старого мира через разные мистификации, в частности, увлеченность царской семьи «распутинщиной». Этот не самый важный и значительный факт интересен именно в культурологическом срезе,

поскольку показывает упадок духовных ориентиров, где традиционная религиозность в форме классического православия больше не могла заполнять духовных пустот.

К такого рода мистификациям можно отнести и увлеченность русской интеллигенции псевдовосточными учениями, хлыстовством, богемными формами культуры, выраженными в «идеологии» Серебряного века с ее оригинальным миропониманием, желанием быть не похожим на окружающих. Наконец, авангардные поиски стали попыткой выражения ценностей нового мира. Но все эти явления быстро исчерпались, в историко-культурном контексте их жизнь была короткой. Причина – отсутствие фундамента. Они отрицали старое, пытаясь строить новую этику и эстетику на старом же фундаменте. Они рождены больной культурой, следовательно, являются плодом нездорового воображения культуры. Несмотря на весь эстетизм и притягательность данной красивой для искусства и культуры эпохи, новым формам было суждено погибнуть внутри Гражданской войны. Метафорически выражаясь, культура начала века с ее экспериментами и поисками – вспышка молнии, после которой остается впечатление. Ведь творческие потоки были направлены во все стороны при отсутствии цели.

Если мы говорим о направляющем векторе, то ту же картину наблюдаем в политической жизни. Революционеры прекрасно понимали, с кем и против чего борются, ведь идеи и лозунги были сформулированы языком старой культуры, герои взращены проблемами старой России. Революционный огонь был зажжен еще в начале XIX столетия с актуальными для той эпохи проблемами. Все оппозиционеры предшествующего столетия выдвигали лозунги их современности. Поэтому, когда старый мир был уничтожен и цели революции достигнуты, перед лидерами разрушения возник вакуум. Они оказались в растерянности. Не понятно, что делать дальше? Старый мир ушел в небытие, а новый – находится в зачаточном состоянии.

Можно вспомнить революционный лозунг «Весь мир до основания разрушим», но какие действия начинаются после разрушения, когда энергии много, а идеи отсутствуют? В итоге страна раскололась как минимум на три силы, которые мы условно называем красные, белые и зеленые, где в войне утерян главный полярный принцип и отсутствует враг с его антигуманным и деструктивным

лицом, потому что в своем враге в любую минуту ты можешь уз-
нать брата, друга, соседа и т.д.

Формально в Гражданской войне побеждают большевики, коммунистическая сила, но если мы посмотрим на образ культуры, то не найдем в нем революционно-авангардных поисков времен кризиса и войны, «герои» этого периода быстро ушли в небытие, а многие оказались низвергнуты в условиях тоталитарной культуры. На сцену истории вышли персонажи, которые в годы борьбы были на второстепенных ролях. При этом, новый культурный образ выстраивали, как это ни парадоксально, не на эстетических и аксиологических ценностях революции с ее идеями всемирного братства и равенства. В новом государстве господствовали иерархия, кастовое сознание, военная направленность. В искусстве сталинский ампир стал воплощением не просто классики, но консерватизма, однако, не имеющего ничего общего с традицией Императорской России, поскольку у новой культуры была принципиально новая духовность в форме коммунизма с его культурами и ритуалами, сменившими православную парадигму. Наконец, война вновь заняла свою традиционную нишу, найдя нового врага в лице всего некоммунистического, создав образ собственного борца за справедливость. Мир обрел полярность, поэтому внутри страны начался период культурной стабильности.

Таким образом, Гражданская война в России является ярким доказательством того, что противостояние внутри культуры всегда является отражением глобального кризиса, ведущего к полному саморазрушению. На осколках такой культуры возникает совершенно новая. Несмотря на то, что она использует старый материал, такая культура создает новую парадигму развития. Ведь кризис и война слишком остро и явно показывают исчерпанность старых идеалов, их нежизнеспособность. А война не просто обнажает свою антигуманную сущность, здесь она лишена каких-либо конструктивных ценностей, собственных положительных образов. Ненависть вовне и внутри «пожирает» даже яркие манифестации культуры в любой гражданской войне, ведь для них нельзя найти место.

Итак, гражданская война как воплощение социокультурного кризиса всегда глобальна, демонстрирует нам общество, которое невозможно спасти от разрушения. После нее возникает абсолютно другой мир, начинается новый виток исторического развития.

Примечания:

¹ Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 10.02.2014).

² Ионесов В.И. Культура на переходе: императивы трансформации и возможности развития: монография. Самара, 2011. С. 219.

³ См.: там же. С.223.

⁴ См.: Дмитриева Э.Я., Дмитриева Н.А. Семиотика кризиса: речь и действительность: поиск методологии преодоления кризиса // Семиотика кризиса: императивы выживания, обновления и развития». Материалы междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 54.